

УДК: 343.97

Приколотина Ю.,

кандидат юридических наук,
заведующая кафедрой уголовного права и криминалистики
Полоцкого государственного университета
(г. Новополоцк, Республика Беларусь)
e-mail: u.prikolotina@psu.by
ORCID: 0000-0003-4791-0493

ДЕКОЛОНИАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ КОНФЛИКТА КАК СПОСОБ СНИЖЕНИЯ КОНФЛИКТНОЙ КРИМИНОГЕННОСТИ

Приколотина Ю. Деколоніальна стратегія трансформації конфлікту як спосіб зниження конфліктної криміногенності.

Криміногенний конфлікт на сході України може бути пояснений шляхом визначення у деколоніальному критичному дискурсі. Колоніальність свідомості полягає у її категоричності та бінарності. Ситуація збройного конфлікту радикалізує політику і громадську думку, обумовлюючи криміногенність. Деколонізація передбачає деконструкцію сформованих опозиційних інтерпретацій конфлікту, що відображають протилежні і непримиренні позиції, які спровокували конфлікт і підтримують його, інклюзію стигматизованих учасників конфлікту, локальність, зміну дискурсу війни на дискурс миру (не «противник», але «брат»), відмови від бінарних опозицій («свій» – «чужий»), усунення опозицій свідомості («правий» – «неправий»), переходу від глобального до індивідуального, відходу від соціальної детермінації в область самодетермінації ціннісної (діалог і мир як цінність), запобігання афективній соціальній інерції стигматизації.

Ключові слова: збройний конфлікт, криміногенний конфлікт, трансформація конфлікту, деколоніальна стратегія, деколонізація свідомості, демілітаризація свідомості.

Современные размышления о преступности носят преимущественно плюралистический характер, однако все они так или иначе апеллируют к социальной статике либо к со-

циальной динамике как к источникам и/либо факторам продуцирования и изменения преступности, тяготея к социологической парадигме криминологии. Так, Д.А. Шестаков определяет преступность как некое свойство общества, обуславливающее регулярное продуцирование преступлений, то есть воспроизведение преступности¹, то есть как «криминогенность» либо «криминальность» общества. Данный подход закономерно требует выхода на криминогенные явления социальной природы, в том числе на пребывающие в массовом сознании, и имеющие масштабный и существенный характер.

Одним из таких – значимым ввиду присущей ему интенсивности и масштабности – является отражение в массовом правосознании² значимых событий, связанных с государством и правом, и носящих характер потрясений. Последние не могут не оказывать влияния на правосознание, а подчас и прямо определяют его. Для Луганской области роль такого феномена в последние годы играет длящееся вооруженное противостояние, сопряженное с нарастающим социальным дистанцированием. При множестве иных, существовавших ранее и все еще значимых факторов текущего социального кризиса, вооруженное противостояние привнесло в социальный уклад – как в политику, так и в повседневную жизнь Украины, и особенно Донбасса, – аффектирующий момент, значимо влияющий на жизнь субъектов правосознания. Допустимо утверждать, что произошедшие и происходящие события затронули нечто экзистенциальное, вызвав массовую хроническую травматизацию населения. Ведь эти

¹ «... под преступностью следует понимать свойство человека, социального института, общества, отдельной страны, глобального общества воспроизводить множество опасных для окружающих людей деяний, проявляющееся во взаимосвязи преступлений и их причин, поддающееся количественной интерпретации и предопределяющее введение уголовно-правовых запретов» [1, С. 135].

² Правосознании локальных либо глобальных социальных субъектов.

события трагически значимы для населения Донбасса (Луганской области), а это означает, что с известного момента они соответствующим образом определяют существование региона, все воспринимается сквозь их призму, и сама стратегия жизни выстраивается с поправкой на них.

Все эти «вещи» мало поддаются внешнему наблюдению, то есть эмпирическому изучению (с позиции «постороннего»), и потому являются предметом скорее гуманитарного, чем социального исследования. Иначе говоря, по мысли автора, любое неописательное исследование событий в Луганской области, осуществляемое с 2014 года, включая исследование преступности, не может обойтись без обращения к переживанию и рефлексии разворачивающихся трагических событий последних лет. В связи с этим автор этих строк выражает в них некий промежуточный итог рефлексии все еще переживаемых событий (с ноября 2014 года будучи отдаленным от них пространственно, но не интеллектуально) и предлагает собственный «предубежденный» взгляд на происходящее в Донбассе как на криминогенный источник, а также высказывает мнение относительно перспективы его исхода.

Итак, невозможно не признать значения этих событий. Но столь же невозможно для некоторых затронутых ими принять окончательное решение относительно их интерпретации, ведь оно неизбежно будет носить тотальный характер – как для настоящего, так и для будущего. При этом официальная (публичная) версия событий и их оценка – скорее плод вынужденной конвенции, чем действительное сложное их осознание, осуществленное на пересечении множественных линий гуманитарной напряженности.

Особенно сложно принять окончательную интерпретацию событий тому, кто осознанно не избрал позиции в существующем противоречии и не принял ничьей стороны, хотя ситуация «войны» как бы имплантирует в повседневное сознание и социальную коммуникацию и «логику войны» – настойчивое требование выбора, примыкания к конкретной

«партии», со всеми следующими из этого действия последствиями. Однако очевидно и то, что проблема «выбора», поставленная таким образом, и «выбор», сделанный при таких условиях, привели бы к расколу, вызвав к жизни цепь личностных и социальных деструктивных последствий – насильственную самоидентификацию, производимую в ограничивающем поле аффектов, отказ от общения с принявшими сторону «противника» (либо даже номинально принадлежащими либо отнесенными к ней), стигматизацию коллег, учителей и наставников, разрыв с единомышленниками и даже внутрисемейный раскол. Потому ситуация, о которой здесь идет речь, является испытанием гуманитарного характера, определяющим не только настоящее Украины, но и ее будущее, а также настоящее и будущее международных отношений в связи с вовлеченностью множества национальных и наднациональных субъектов.

Все свидетельствует о том, что невозможно рассматривать вооруженное противостояние само по себе, ведь оно «погружено» в некую «пучину» пересекающихся событий – рефлексии «Майдана» (оцениваемого и как «Революция достоинства», и как «захват власти»), наступление украинских войск на Донбассе (оцениваемого и как «освобождение», и как «карательная операция»), создание самоуправляющихся образований в Донбассе (расцениваемого и как «сепаратизм», и как «самооборона»), нынешний фактический политический статус восточных регионов, внешние оценки, роль внешних сил в развитии ситуации и т.д. Однако, хотя в размышлении о ситуации Донбасса трудно уйти от политики, переход к ней чреват невозможностью объективности, ведь в размышление неизбежно вмешивается «партийный» интерес, который а priori не есть интерес всех («универсальный интерес»). А это значит, что все теряют. В условиях вооруженного конфликта политика неизбежно меняет свой образ и «логика» вооруженного противостояния имплантируется в политический дискурс, вернее, полностью подменяет его. Население Донбасса на данный момент, по сути, стигматизировано (даже те, кто поддержал политику национализации и

европеизации) и политически не представлено, а это значит, что интересы населения этой территории не учитываются.

В предпринимаемой здесь рефлексии автор намерен опираться на работы ученых, которых известные события непосредственно затронули. За такую избирательность могут учесть в субъективизме, однако это намерение имеет вполне заслуживающее учета обоснование. Оно вызвано верой – в рефлексии без презумпций не обойтись, – в то, что любые размышления о событиях такого рода, претендующие на полноценность, могут быть адекватно представлены лишь пережившими их, лично вовлеченными в них. Здесь объективность понимается в духе неклассической рациональности, предполагающей нахождение познающего субъекта одновременно как внутри познаваемой реальности, так и вне ее [2, С. 206]. Это – нетипичный ход мысли, ведь распространен (доминирует?) стереотип признания лично вовлеченных а priori пристрастными и потому неспособными к осознанию объективности. Потому мнение вовлеченных считается хотя и заслуживающим учета, но в обязательном порядке подвергаемым сомнению. Однако к настоящему дню давно «назрели» и иные, выстраданные, стратегии познания и оценки, ставящие под сомнение «классическую рациональность», себя во многом скомпрометировавшую при постановке и решении проблем общества постмодерна.

И.Л. Чеснов определяет постмодернизм как признание онтологической и гносеологической неопределенности социального мира, как проблематизацию социальной реальности, которая: «...интерсубъективна, стохастична, зависит от значений, которые ей приписываются, это относительность знаний о любом явлении и процессе... это признание сконструированности социального мира, а не его данность» [3, С. 13]. В.А. Емелин отмечает: «Постмодернизм как комплексное идейное течение представляет собой квинтэссенцию этого духа времени, ибо именно он наиболее адекватно отражает состояние духовности в наши дни, связанное с ощущением неприемлемости в новых социокультурных реалиях господствующих ранее представлений о мире и человеке. Главной,

отличительной чертой постмодернизма считается исходная установка на невозможность описания мира как некоего целого с помощью каких-либо общих теорий, претендующих на истинное, единственно верное знание о действительности» [4, С. 11]. В условиях столкновения различных, а может быть и противоположных значений глобализирующегося мира, когда каждый из субъектов, осознающих свою свободу и право, и пришедший из «своего мира», не согласен признать свое видение неприемлемым, а свой мир «неверным», требует не списывать себя со счетов и признать свои интересы, стратегия обобщения, принудительного определения универсальных значений воспринимается как насилие и принята быть не может. Из осознания сконструированности социальной реальности, ее рукотворности выводится невозможность быть категоричным в оценке человеческого поведения и радикальным в действиях, направленных на него.

Одной из распространенных интерпретаций затронутых здесь событий является усмотрение в качестве причины конфликта некоего специфического менталитета жителей Донбасса (Луганской и Донецкой областей). Объяснение такого рода содержится в работах одного из учителей автора – А.М. Еременко. В статье «Луганский мятеж в сравнении с подобными историческими событиями» он описывает следующие психологические особенности «массового луганчанина»: «Типичный луганчанин по природе своей авторитарист. Сильная власть: грозная, мощная, наводящая страх, дисциплинирующая, склонная к применению насилия, с легкостью нарушающая установленные ею самой законы, – такая власть вызывает у луганчанина не возмущение, а восхищение» [5, С. 20]. «В психологическом облике луганчанина явственно проступают многие черты авторитарной личности, как они проанализированы Э. Фроммом в работе «Бегство от свободы». Склонность к переговорам, уступкам, компромиссам, даже готовность к открытой дискуссии он воспринимает как признаки слабой власти. Он презирает такую власть. Он уважает власть, склонную к бесцеремонному проявлению насилия, он преклоняется перед такой властью» [5, С. 21].

В.И. Поклад, один из ведущих луганских социологов, специализирующийся на проблемах массового правосознания, также приводит весьма комплексную интерпретацию «сепаратизма» в Луганской области. В качестве его факторов он усматривает устойчивые стереотипы массового сознания о предпочтительности советского образа жизни, «советский фундаментализм», и внеправовые хозяйственные практики – совокупность способов решения жизненных проблем с помощью действий, выходящих за пределы действующего в стране права [6, С. 89]. Василий Иванович также определяет события на востоке как криминальную контрреволюцию – ответ на антикриминальную революцию в Киеве [6, С. 98], как и Ю.П. Рущенко [7].

Велико искушение согласиться с интерпретацией, высказанной А.М. Еременко, ввиду ее категоричности в духе «новейших времен», однако, к сожалению, в ней усматривается некая методологическая неточность – отсутствие сравнения с другими регионами Украины. Разделяя ценность и призвание интеллектуальной элиты, веря в разум как критический способ восприятия реальности, полагая, что от точности мысли во многом зависит наше совместное будущее, позволю не согласиться с изложенной выше версией объяснения событий. Вполне закономерно то, что в интерпретации событий значимо влияние доминирующего направления объяснения, а в условиях, ощущаемых как война, это всегда объяснение победителя и действительного «держателя власти». Иначе говоря, в условиях значительного внешнего давления (доминирующего мнения, официальной позиции) мы зачастую невольно склонны не решать задачу понимания, но подводить ее решение под заданный извне ответ.

Не менее привлекательной ввиду эмпирического обоснования является интерпретация, предложенная В.И. Покладом, однако сравнение событий востока и киевских событий, как представляется, требует более фундаментального методологического основания. Тем не менее, следует полагать, что проблема сопоставления событий намечена им верно. Однако принятая им юридическая оценка (квалификация)

событий «Майдана» не может быть признана удовлетворительной без множества допущений и натяжек. Юридическая квалификация, которой придерживается автор, является оценкой, данной победителями, и результатом декларированной «крайней необходимости». Однако юристам хорошо известно, на какие далеко не неоспоримые правовые и внеправовые компромиссы пошли лидеры оппозиции и поддерживающие их. Причиной тому была политическая воля победивших, а при самой оптимистичной в интерпретации (обосновании естественно-правового характера), и внешняя политическая поддержка. Иначе говоря, проблема «Майдана» и проблема востока вышли за пределы права в область политики и аргументы правового характера, а соответственно и юридическая квалификация, данная политически ангажированными субъектами, здесь неуместны. Потому с прискорбием приходится констатировать, что в данной ситуации право выступало скорее в качестве «дышла», которое, согласно известной поговорке, повернули в выгодном направлении. Кроме всего прочего, эта ситуация также свидетельствует и о качестве доминирующего правосознания.

Очевидный уход от права в сторону политики позволяет и даже требует высказать альтернативные представленным выше суждения относительно интерпретации событий Донбасса. Как полагает автор, уважаемые наставники не допустили того, что восток как коллективный субъект с особой идентичностью (отрицать наличие которой не имеет смысла), вероятно, также выразил свою волю, которая оказалась отличной от воли, выраженной участниками «Майдана» – какой бы устаревшей и дурной она ни представлялась. Так, Ю.П. Рущенко, выражая различные гипотезы относительно последствиях «гибридной войны», говорит об эффекте актуализации давнего межцивилизационного разлома, восставшего из глубин коллективного сознания. Границы цивилизаций, согласно его видению, проходят «не по не земле, а по нематериальному полю массового сознания», и проявились они не по Збручу, и не по Днепру, а по Северскому Донцу и Кальмиусу, «как и тысячу лет назад» [8, С. 48].

Полагаем, что нет никаких оснований квалифицировать волю, которая не соответствует воле победившей (не обязательно воле большинства), неверной и искать в ней изъяны и предпосылки ее ущербности. Квалификация действий «ополченцев» / «сепаратистов» производится в свете сравнения с действиями «революционеров», чьи действия признаны легальными (вернее следовало бы сказать, что их действия вообще не подвергались юридической оценке по принципу «победивших не судят» и по причине интенсивной публичной поддержки). И открытая поддержка их действий участниками «Майдана» (а отнюдь не всем населением Украины), а также странами-лидерами не является критерием и признаком легальности их действий, как и их легитимности (в особенности в условиях масштабной аполитичности большинства украинцев). Ситуация сложилась поистине парадоксальная – действия революционеров (a priori всегда выходящие за пределы позитивного права) не признаны противоправными, приобретенная ими власть признана законной с вытекающими последствиями исключительного права на применение силы. Действия же «ополченцев» / «сепаратистов») оцениваются в правовом поле действующего законодательства и эта оценка заведомо предрешена.

Необходимо отметить, что борьба народа за свободу, за демократию, против «преступной власти», безусловно, вызывает одобрение и уважение. Однако в оценках не должно быть «заметания под ковер» множественных и явных противоречий, лежащих в их основании. И идея естественного «права народа на восстание», при всей ее ценности и фундаментальности, не может служить безусловным обоснованием победившей позиции, так как тем самым дискредитирована и она, и идея позитивного права. Ведь в естественном праве как в неконкретизированной идее нет определенности, которая необходима для регулирования конкретных отношений, а вольная интерпретация всегда стремится к анархическому мировоззрению.

Невозможно игнорировать сложившихся существенных противоречий, хотя состояние «войны» к этому стимулирует и эту ситуацию «оправдывает», как оправдывает и

иные множественные и масштабные трансформации украинского общества. Однако уровень государственной политики и прилегающий к нему уровень публичности всегда неизбежно грешат неким «заметанием» проблемных моментов в условиях открытого противостояния, ведь в это время на повестке дня – «выживание», и в таких условиях доминирующий публичный дискурс складывается не посредством формирования социального диалога, предполагающего возможность несогласия, а как итог победы большинства над меньшинством, более сильного над менее сильным, более активного над менее активным и т.д., то есть выражает стратегию, сравнимую с колонизаторской (колониальным образом мысли). Ирония заключается в том, что последняя была характерна к политике Советского Союза, ностальгию по которому вменяют восточным регионам.

Необходимо заметить, что обнаруженные к настоящему моменту интерпретации – как конфликта, так и событий, предшествующих ему, и к нему ведущих, произведены исходя из наличных доминирующих позиций, однако все эти позиции уже суть *позиции прошлого*, ведь они направлены на объяснение того, что произошло, и преимущественно сводятся к поиску виновных или заинтересованных в конфликте, а также факторов, которые способствовали разворачиванию событий. Это важно, но в сложившейся ситуации решению конфликта не способствует. Представленные интерпретации неизбежно выполнены в рамках избранных их авторами позиций, обусловленных эмоциональной (аффективной) вовлеченностью субъектов – вовлеченностью потери, до сего момента не нашедшей сублимации. Ситуация противостояния предопределяет безусловное принятие одной из двух противоположных интерпретаций событий, а это значит, что перспективы решения противоречия не наблюдается.

В отличие от представленной дуальной оппозиции, изложенные ниже размышления выполнены исходя из некоего особого видения, направленного *не на прошлое* (как представленные в публичном пространстве доминирующие интерпретации), но *на будущее*. Это значит, что вопрошающий

суб'єкт знаходиться не в минулому і не в нинішньому, а в майбутньому. А в майбутньому значить «в світі». Він як би вільний від соціальної детермінації, тому саме детермінація цього роду привела нас до протистоянню і утримує в ньому, незважаючи на бажання світу. Тому світ для населення Донбасу зараз – цінність першого порядку. Як констатує Е. Головаха: «...люди на Донбасу інших проблем взагалі не бачать – коли їм на голову падають мінні, а поруч гине знайомі, близькі, – це зрозуміло. В Харківській, Дніпропетровській областях (це ж недалеко) даний питання актуальне. А чим далі на захід, тим ця проблема турбує менше. Але це природно – люди з більш віддалених регіонів її майже не помічають» [9].

В складившійся тупиковій ситуації, коли ніхто вже не мріє про завершення війни і про відновлення територій ЛНР і ДНР з Україною, потрібний кардинальний переосмислення минулого і нинішнього з принципово інших основ. Розмова йде не про спроби пояснення (виявлення деяких емпірично фіксуємих закономірностей), не про пошуки винуватих, але про визначення принципово іншої точки зору. Такою може і повинна стати мета мирного майбутнього. При цьому принципово важливе значення матиме і спосіб досягнення цього мирного майбутнього.

Представлені далі рефлексії, безпосередньо пов'язані з заявленою темою роботи, є плодом знайомства автора з одним з напрямків сучасної критичної думки, виникшим і інституціоналізованим в межах критичних досліджень. Розмова піде про деколоніальний поворот думки і деколоніальну стратегію. Автор познайомився з ними в зв'язі з рішенням задачі «деколонізації гендера» в межах навчання в онлайн-школі «Gender and Conflict» (SOAS University of London, 20-31 липня 2020 року), присвяченій академічним дослідженням озброєних конфліктів з позиції гендерної методології. Феміністські дослідження як напрямок думки надають значущим критичним потенціалом, так як ви-

званы к жизни несогласием с социальным неравенством, являющимся следствием социальной детерминации, то есть принудительного наделения субъекта статусом объекта. Несогласие с существующим социальным порядком дало стимул к его кардинальному пересмотру, включая пересмотр глобального миропорядка и мировоззренческих оснований, вызвавших его возникновение и воспроизведение. Утрата империями влияния на колонизированных территориях – деколонизация – придала критическому переосмыслению общественной жизни (социального устройства) новый стимул.

Деколониальные исследования вызваны к жизни теми условиями, в которых оказались страны, испытавшие на себе аннексию со стороны стран более сильных, и использующих свое превосходство в целях глобального влияния и эксплуатации. Вторжение сильных стран базировалось на идеях превосходства одних наций («более развитых», «цивилизованных») над «менее развитыми» либо совершенно «неразвитыми» странами. Оценка меры «развитости – неразвитости», «цивилизованности – нецивилизованности» закономерно давалась и дается до сих пор с позиции сильных и «победителей», тех, кто способен обеспечить принятие своих стандартов, своей позиции, своего мерила.

Под деколонизацией первоначально понимался процесс предоставления независимости прежним колониям, то есть получение ими возможности самоуправления – объект становится субъектом, – возвращение фактической свободы, и, в первую очередь, свободы самоопределения (идентичности). В связи с этим деколонизация неизбежно стала пониматься шире и распространилась на область сознания.

Как отмечает А. Мустояпова, одной из своих задач постколониальная теория (предшественница деколониальной) избрала разрушение бинарных оппозиций «Запад – Восток», «цивилизованный – варварский». Взамен постколониальные исследования традиционно противопоставляемые друг другу явления рассматривали с точки зрения их самодостаточности, наличия присущих им оригинальных черт вне оценочных категорий «правильный» / «неправильный», «хуже»

/ «лучше» и др. Эта установка обусловила более объективный взгляд на явления, ранее оцениваемые с позиции власти, иерархии, тенденциозности, политической «целесообразности». Постколониальные исследования включают в себя: «...не только демонтаж постколониального сознания, но и преодоление негативных последствий колонизации в политической, экономической, социальной, культурной сферах» [10].

Претензии к советскому прошлому (отказ от него, осуждение его), декоммунизация, национализация, прозападная ориентация политики, составляющие идейное ядро современной украинской политики, по сути есть проявления постколониальности, обусловленные стремлением обретения свободы самоидентификации и ее фактической реализации. Однако парадокс этого процесса состоит в том, что формы, в которых он реализуется, ввиду присущей им императивности и стихийности, суть проявления все той же колониальной стратегии. Об этом свидетельствует складывающаяся тенденция шаблона некой «правильной» украинской идентичности и стигматизация лиц (групп, территорий) с идентичностью «неправильной». Искусственный конструкт, созданный этим процессом, мало связан с действительной – неидеальной – реальностью, в особенности если принять во внимание механизм и условия его появления. Сформированные посредством его оппозиции способствуют разобщению и дистанцированию. Все это свидетельствует о продолжении тенденции «колониальной зависимости», колониальной обусловленности сознания. Колонизация состоит в игнорировании самобытности (какой бы «неверной» и «дурной» она ни была), в то время как деколонизация требует отношения к самобытности и идентичности как к факту, требующему принятия. «Колониальный миф» – это ложные стереотипы, навязываемые субъекту идентификации как объекту. Именно потому деколонизация – это, прежде всего, процесс налаживания диалога, поиск принципиально новых оснований взаимодействия, вне сложившихся привычных оппозиций.

Приведем пример приложения деколониальной стратегии. В статье К. Пауэлл (Catherine Powell) «How Women Could Save The World, If Only We Would Let Them: From Gender Essentialism to Inclusive Security», изученной в рамках академической летней школы «Gender and Conflict» [11] был поставлен вопрос об участии женщин в урегулировании вооруженных конфликтов, и обнаружена проблема неверного понимания причин привлечения женщин к урегулированию конфликтов в их родных странах. А неверное понимание вызывает неверность способа вовлечения и зачастую обуславливает недостаточную эффективность миротворческого процесса и неустойчивость его результатов.

К. Пауэлл проводит анализ концепций, обуславливающих современную доминирующую политическую риторику и практику вовлечения женщин в миротворческие процессы, основанные на концепциях антисубординации (antisubordination) и секьюритизации (securitization), подвергая их критике. Согласно первой из них женщины рассматриваются как социальная группа, находящаяся в ущемленном положении и требующая уравнивания своих прав, а их участие в миротворческом процессе морально оправдано и необходимо с позиций равенства, справедливости, человеческого достоинства и противостояния доминированию мужчин [11, С. 296 - 298]. Вторая же исходит из понимания женщины как более миролюбивого, в сравнении с мужчинами, существа. Это качество женщины обуславливает возложение на женщин ответственности за социальные сферы, обеспечивающие выживание человечества. Именно потому женщины ценят мир более мужчин, более склонны к нему и способны приложить более усилий к его восстановлению. Тяготы войны ложатся на ее плечи всемерно – в форме ухода за больными и ранеными, обеспечения выживания детей и нетрудоспособных членов семьи в военных условиях, в обязанности продолжать род в таких условиях, в тяготах оккупации и т.д. [11, С. 301 - 303].

Описанные выше подходы К. Пауэлл считает хотя и закономерными, но неполноценными, в связи с чем предлагает

третий, альтернативный, подход, совмещающий оба описанные – демократической легитимности (democratic legitimacy). Она предлагает рассматривать женщину как равноправного партнера, который не только обладает уникальным опытом (в том числе в связи с опытом войны) или требует учета прав женщин как униженной и наиболее уязвимой части населения. К. Пауэлл не приемлет рассмотрения женщины в качестве существа, нуждающегося исключительно в защите, что автоматически превращает женщину в объект опеки и защиты (в особенности во время вооруженного конфликта), но определяет женщину в качестве равноправного субъекта. Таким образом обосновывается возможность обеспечения будущей инклюзивной безопасности общества – посредством включения женщин в процесс переговоров. Именно потому, что женщины «традиционно» рассматриваются в качестве нуждающихся в уравнении с мужчинами, и вовлекаются в процесс урегулирования конфликта, все иные группы населения, которые также страдают от неравенства, осознают возможность его устранения [11, С. 313- 316].

Парадигма демократической легитимации основана на модели инклюзии, которая может быть применена к иным векторам неравенства помимо гендерного. Подчеркивая демократическое представительство, этот подход настаивает на локальной ответственности и решениях «снизу вверх», тем самым подчеркивая значение участия и лидерства женщин непосредственно из зон конфликтов, а не женщин глобальной элиты.

Каким образом все эти размышления возможно использовать в связи с проблемой криминогенного конфликта на Донбассе? Обращение к ним вызвано представлением о факторах текущего конфликта, о его течении и о его ближайшем перспективном продолжении как о плоде и проявлении колониального сознания и воспроизводящихся оппозициях сознания. Большинство украинских и западных публикаций, выражающих видение нашей непростой ситуации, усматривают причины случившегося в двух основных причинах – в роли России и в специфических характеристиках населения

Донбасса. В этой интерпретации событий усматривается потеря свободы несогласия, что вполне «нормально» для ситуации конфликта – войны. Здесь есть «белое» и «черное» – четкая дихотомия и никаких иных вариантов. Однако конфликт должен закончиться. Особенность же этого конфликта в том, что пострадавшим от него является один и тот же народ, который оказался разделенным, и нуждается в воссоединении. Мы видим безальтернативную «логику войны». Но специфика конфликта не позволяет с нею согласиться.

Принцип деколониальной стратегии, по видимости вполне применимый здесь, состоит в *смещении вектора интерпретации* – с уровня официального на уровень личных взаимоотношений, то есть с уровня обобщений, метанарративов к конкретному субъекту – это смещение как «количественного» (от укрупненных социальных субъектов к локальным и индивидуальным), так и «качественного» (изменение способа оценки) характера.

О важности смещения вектора решения конфликта с уровня официального на уровень личных взаимоотношений свидетельствуют и представители гражданских инициатив, тех немногих, которые направлены на урегулирование конфликта.

В частности, о необходимости такого «деколониального поворота» свидетельствует публикация, изданная по результатам проекта «Диалог за взаимопонимание и право»: европейские НПО вместе за преодоление конфликта на Донбассе» (2017-2018 гг.). Вот некоторые выдержки из этого отчета: «Для существования конфликта одинаково важно всё – и причины его возникновения, и повод, который его эскалировал, и контекст, который сделал его возможным. А вот в решении конфликта существует единственный важный фактор – это люди, которые в него вовлечены. Те люди, которые активно действуют, усугубляя или разряжая конфликтную обстановку, те люди, которые просто бездействуют, дезориентированные в череде сменяющихся событий конфликта, и те люди, которые активно пытаются построить диалоги» (Саша Романцова, Центр громадянських свобод (Україна). [12, С.

23] А. Леро, представитель L'Assemblée Européenne des Citoyens/АЕС (Франция) замечает: «Я уверена, что сейчас очень важно развивать возможности диалога на низовом уровне между украинским и российским обществами, а также диалог внутри украинского общества между людьми с оккупированных территорий (ВПЛ) и остальной частью страны. На первый взгляд, раскол кажется намного сильнее, чем в других конфликтах, поскольку мы не видим практически никакого пространства для диалога о мире. Однако такое впечатление основано на официальном дискурсе. На межличностном уровне, очень ясно видно желание и способность общаться, планировать и строить общее будущее. Общество разделяет эти устремления в гораздо большей степени, чем мы думаем» [12, С. 13].

Участники проекта также замечают: «Общество с опытом военного конфликта характеризуется фрагментированностью и радикализацией мнений, что в свою очередь делает его лёгким объектом для политических манипуляций. Коллективная травма, стигматизация различных групп в обществе, разочарование в европейских политических институтах и растущее недоверие официальным лицам негативно сказываются на нем и делают людей более уязвимыми. Обсуждение возможностей восстановления Донбасса является крайне сложным. В связи с этим гражданские усилия по обсуждению перспектив будущей жизни в Украине, включая регион Донбасса, являются важной предпосылкой не только для решения конфликта, но и для демократической консолидации страны» [12, С. 11].

Если же вспомнить идею К. Пауэлл о причинах и способах вовлечения женщин в урегулирование вооруженных конфликтов, то следует упомянуть о мнении представителей женских гражданских инициатив относительно потери потенциала урегулирования конфликта посредством отказа от участия женщин в миротворческих процессах [13].

Завершая рефлекссию, замкнем круг и вернемся к проблеме криминогенности конфликта. Он криминогенен по-

тому, что активизировал и усилил колонизаторский тип сознания, характеризующийся логическими и социальными оппозициями, разделяющими общество. Категоричность оценок и радикальность действий, ставшие нормой, распространяются на все сферы общественного сознания, в том числе на правосознание, и пресекают возможность открытости мышления и его диалогичности, а значит и ограниченность солидарности в процессе самоопределения. Радикализация общественного сознания способствует изоляции личности, так как свобода выражения несогласия ограничена либо невозможна.

Закономерная необходимость задействования всех групп населения в процесс урегулирования конфликта, не ограничиваясь ожиданиями действий со стороны официальных представителей и не возлагая ответственность на облеченных властью.

Учет всех групп населения, в том числе тех, которые находятся на территории ЛНД и ДНР и подвергаются стигматизации, а значит уходят в девиантную субкультуру. Их видение конфликта не принимается во внимание.

Деконструкция конфликта как мера устранения / снижения криминогенности может быть обеспечена за счет инклюзии, локальности, изменения дискурса войны на дискурс мира (не «противник», но «брат»), выхода их бинарных оппозиций («свой» – «чужой»), устранение оппозиций сознания («прав» – «неправ»), перехода от глобального к индивиду, ухода от социальной детерминации в область самодетерминации ценностной (диалог и мир как ценность), изменения риторики «войны» на риторику «мира», предотвращения аффективной социальной инерции стигматизации, обеспечения вовлеченности заинтересованных субъектов, изменение статуса стигматизированных субъектов и наделяния субъекта полномочиями мирного урегулирования.

Использованные источники:

1. Шестаков Д.А. От понятия преступности к криминологии закона // Общественные науки и современность. 2008. №6. С. 131 – 142.

2. Усатова Ю.Н., Попов В.В. Феномен неклассической рациональности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов. Грамота, 2013. №2 (28): в 2-х ч. Ч. II. С. 206 – 210.
3. Гишинский Я.И. Криминология постмодерна (неокриминология). «Алетейя», СПб., 2021. – 133 с.
4. Емелин В.А. Информационные технологии в контексте постмодернистской философии. Диссертация на соискание ученой степени канд. филос. наук. Специальность: 09.00.11 – социальная философия. Москва, 1999. - 163 с.
5. Еременко А. Луганский мятеж в сравнении с подобными историческими событиями // Криминологические исследования: сб. науч. труд. / гл. ред. В.И. Поклад; Луган. гос. универ. внутр. дел. им. Э.А. Дидоренко; Луган. гуман. центр. – Северодонецк: РИО ЛГУВД им. Э.А. Дидоренко, 2018. – Вып. 10 : Луган. ученые о луган. событиях. – С. 10 – 26.
6. Поклад В. Сепаратизм в Луганской области: социально-психологические предпосылки // Криминологические исследования: сб. науч. труд. / гл. ред. В.И. Поклад; Луган. гос. универ. внутр. дел. им. Э.А. Дидоренко; Луган. гуман. центр. – Северодонецк: РИО ЛГУВД им. Э.А. Дидоренко, 2018. – Вып. 10 : Луган. ученые о луган. событиях. – С. 88 – 100.
7. Руценко І. П. Російсько-українська війна: міжцивілізаційна складова конфлікту // Вісник Львівського університету. Серія соціологічна. 2018. Випуск 12. С. 42–52.
8. Руценко І.П. Російсько-українська гібридна війна: погляд соціолога: монографія. – Х.: ФОП Павленко О.Г., 2015 – 268 с.
9. Моральный дух украинцев на стороне тех политиков, которые ищут пути прекращения войны – Головаха / Интерфакс - Украина. Информационное агентство. Дата обновления: 30.07.2020. URL: <https://interfax.com.ua/news/political/677914.html> (дата обращения: 10.10.2020).
10. Мустояпова А. Деколонизация как возвращение достоинства / Exclusive. Ресурс для профессионалов. Дата обновления: 31.07.2020. URL: <https://www.exclusive.kz/expertiza/obshhestvo/120210/> (дата обращения: 12.10.2020).
11. Powell Catherine. How Women Could Save the World, If Only We Would Let Them: From Gender Essentialism to Inclusive Security // Yale Journal of Law and Feminism. [Vol. 28: 271 - 2017]. P. 271 – 325.

12. Что может сделать гражданское общество для преодоления вооруженного конфликта на востоке Украины. Итоговая публикация по результатам проекта «Диалог за взаимопонимание и право: Европейские НПО вместе за преодоление конфликта на Донбассе» (2017-2018 гг.) / Проект «Диалог для понимания и справедливости: европейские НПО, работающие вместе для разрешения конфликтов в Донбассе». *Deutsch-Russischer Austausch*. Импринт. - 32 с.

13. В Украине до сих пор недооценивают роль женщины в мирном урегулировании – правозащитники Український кризовий медіа-центр. Дата обновления: 12.01.2017. URL: <https://uacrisis.org/ru/51479-role-of-women> (дата обращения: 11.10.2020).

Приколотина Ю. Деколониальная стратегия трансформации конфликта как способ снижения конфликтной криминальности.

Криминогенный конфликт на востоке Украины может быть объяснен посредством определения в деколониальный критический дискурс. Колониальность сознания состоит в его категоричности, бинарности и в связи с этим в склонности к радикализацию и насилию. Ситуация вооруженного конфликта радикализирует политику и общественное мнение, обуславливая их криминогенность. Деколонизация предполагает деконструкцию сложившихся оппозиционных интерпретаций конфликта, которые отражают противоположные и непримиримые позиции, спровоцировавшие конфликт и поддерживающие его, инклюзию стигматизированных участников конфликта, локальность, изменение дискурса войны на дискурс мира (не «противник», но «брат»), выхода их бинарных оппозиций («свой» – «чужой»), устранение оппозиций сознания («прав» – «неправ»), перехода от глобального к индивиду, ухода от социальной детерминации в область самодетерминации ценностной (диалог и мир как ценность), изменения риторики «войны» на риторику «мира», предотвращения аффективной социальной инерции стигматизации, обеспечения вовлеченности заинтересованных субъектов, изменение статуса стигматизированных субъектов и наделяния отдельного субъекта полномочиями мирного урегулирования.

Ключевые слова: вооруженный конфликт, криминогенный конфликт, трансформация конфликта, деколониальная стратегия, деколонизация сознания, демилитаризация сознания.

Yu. Prykolotina. The decolonial strategy of conflict transformation as a way of conflict criminality reduction.

The criminogenic conflict in Eastern Ukraine can be explained through its definition in a decolonial critical discourse. Colonial consciousness is categorical and binary. The situation of armed conflict radicalizes politics and public opinion, conditioning crimes. Decolonization implies deconstruction of the existing oppositional interpretations of the armed conflict, which reflects the opposite and irreconcilable positions that provoked the conflict and support it, inclusion of stigmatized participants, locality, change of the discourse of war to the discourse of peace (not «enemy» but «brother»), escape from binary oppositions, transition from the global to the individual, the departure from social determination into the realm of self-determination (dialogue and peace as a value), changing the rhetoric of «war» into the rhetoric of «peace», preventing the affective social inertia of stigmatization, ensuring the involvement of interested actors, changing the status of stigmatized actors and empowering the individual actor to resolve peace.

Key words: armed conflict, criminogenic conflict, conflict transformation, decolonial strategy, decolonization of consciousness, demilitarization of consciousness.